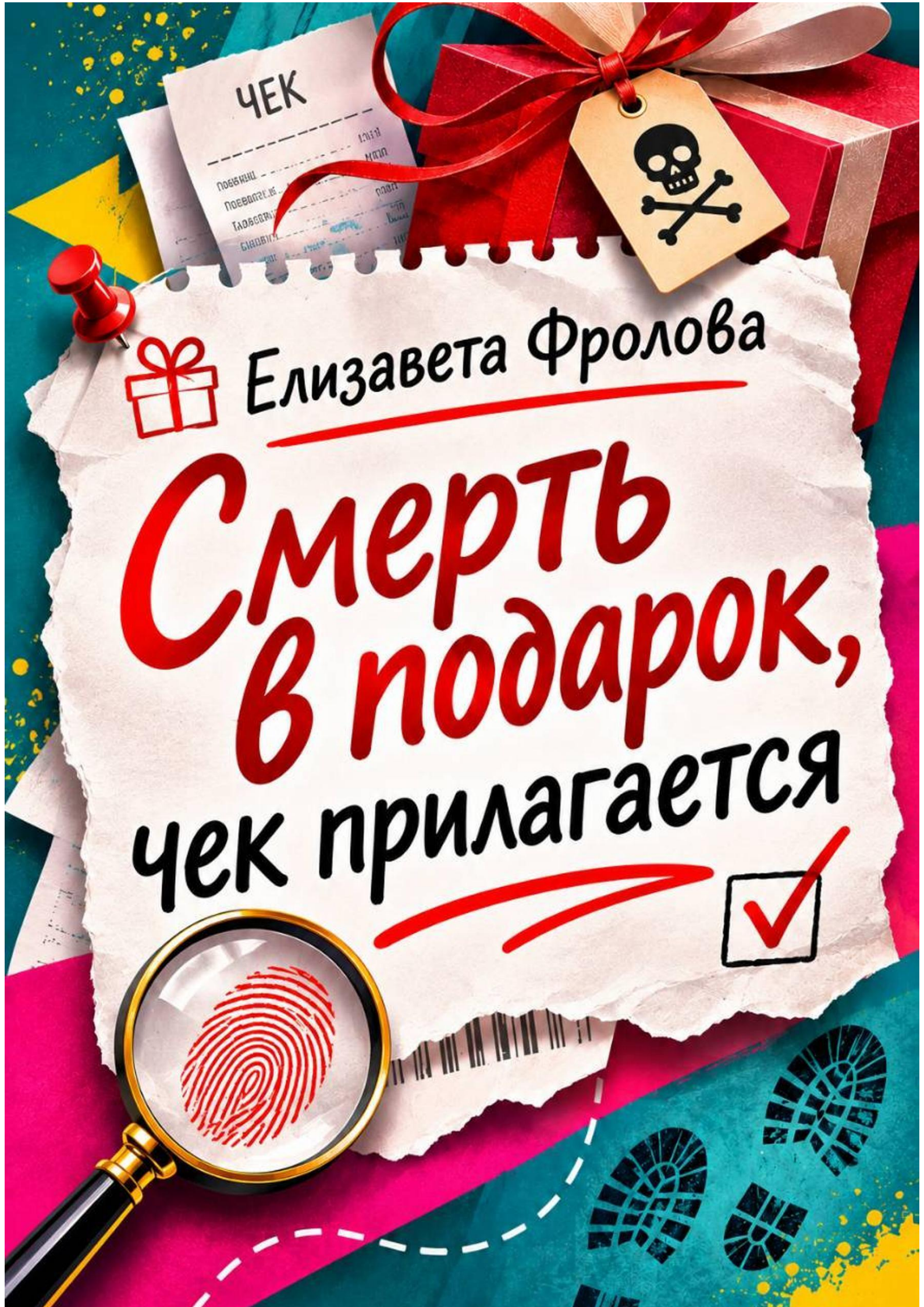

Елизавета Фролова

Смерть в подарок, чек прилагается

Елизавета Фролова

Смерть в подарок, чек прилагается

«Автор»
2026

Фролова Е. Д.

Смерть в подарок, чек прилагается / Е. Д. Фролова — «Автор», 2026

В магазине подарков «Не ждали?» можно заказать что угодно. Но хозяйка Варвара Голубева и представить не могла, что однажды ей придётся доставить подарок прямо на место убийства.Обычная доставка оборачивается обнаружением трупа, а сама Варвара неожиданно оказывается в центре полицейского расследования. И это только начало!Подозрительные клиенты, чужие секреты, загадочная музыкальная шкатулка и люди, которым явно есть что скрывать. Чем больше Варвара пытается вернуться к привычной жизни, тем глубже увязает в истории, где даже самый безобидный подарок может оказаться опасным.А ведь она всего лишь хотела спокойно продавать подарки!«Смерть в подарок, чек прилагается» — иронический детектив с неожиданными поворотами, колоритными героями и убийством, которое никто не заказывал. Или всё-таки заказывал?

© Фролова Е. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать. Покупать необязательно 5
Глава 2. Покупатель всегда прав. К сожалению 10
Глава 3. Особые пожелания за отдельную плату 15
Глава 4. Подарок, который никто не просил 21
Гл 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Елизавета Фролова
Смерть в подарок, чек прилагается

Глава 1. Добро пожаловать. Покупать необязательно

Ноябрь в Тихореченске вёл себя как гость, который явился без приглашения, разулся посреди прихожей и теперь не собирался уходить. Дожди то прекращались, то принимались с новой силой; красные и золотистые листья, ещё недавно украшавшие деревья, прилипали к подошвам и отправлялись путешествовать по магазинам, подъездам и общественным учреждениям. По утрам над рекой висел туман, к вечеру темнело так рано, будто город задолжал кому-то несколько часов дневного света.

Варвара Анатольевна Голубева, тридцати четырёх лет, хозяйка магазина подарков «Не ждали?», считала, что осенью особенно трудно торговать вещами, без которых люди прекрасно обходились до знакомства с ними. Летом покупатели охотнее расставались с деньгами, зимой их подталкивали праздники, а в ноябре человек, купивший декоративную мельницу или медную подставку для писем, выглядел почти героем.

В половине десятого утра Варвара стояла перед витриной и раздумывала, не переставить ли фарфорового кота ближе к входу. Кот был бледно-серым, с поднятой лапой и выражением недоверия ко всему человечеству. За два месяца он не заинтересовал никого, кроме мальчика, спросившего, почему у лисы такая сердитая морда.

— Если вы опять собираетесь менять местами кота и подсвечники, — произнесла за её спиной Зинаида Павловна, — я предупреждаю сразу: это не поможет.

Продавщица стояла у стеклянной витрины, вооружённая салфеткой и той уверенностью в собственной правоте, которую приобретают только после долгих лет работы с покупателями. Ей было пятьдесят шесть; пышные каштановые волосы, в которых уже серебрилась седина, она собирала на затылке крупной заколкой. Сегодня на ней был тёмно-зелёный кардиган, прекрасно подходивший к изумрудным вставкам обоев и совершенно не подходивший к её решительному настроению.

— Я ещё ничего не сказала, — возразила Варвара.

— У вас лицо меняется. Сначала вы смотрите на кота, потом на дверь, потом на меня. После этого начинается перестановка.

— Может, я просто любуюсь порядком?

— Тогда смотрите подольше. Я только протёрла стёкла.

Стёкла действительно сияли. В некоторых местах настолько усердно, что вместо содержимого витрины отражали самих посетителей — нередко с выражением лёгкого разочарования. Варвара однажды предложила прикрепить к стеклу табличку «Экспонаты находятся за вашим отражением», но Зинаида Павловна объявила эту идею унизительной для торговли.

Магазин занимал первый этаж старого дома на центральной улице. Золотистые деревянные панели делали помещение теплее даже в ненастную погоду; тёмные шкафы и невысокие комоды стояли вдоль стен, а между ними помещались полки с открытками, коробками, керамическими фигурками, свечами и вещицами, назначение которых покупатели угадывали с переменным успехом. У входа лежал вытертый коврик «Добро пожаловать», над большой стеклянной дверью звенел колокольчик. Варвара любила этот звук, хотя в последнее время он чаще обещал разговор, чем выручку.

Напротив открылась кофейня навынос. С тех пор поток людей через «Не ждали?» заметно увеличился, но финансового чуда не произошло: покупатели кофе приходили

погреться, полюбоваться витринами и сообщить, что у Варвары очень уютно. За уютом они возвращались охотно. За покупками — гораздо реже.

— Зато нас любят, — сказала Варвара, разглядывая улицу.

— Нас любят бесплатно, — уточнила Зинаида Павловна. — А аренду почему-то просят деньгами.

Варвара не стала спорить. Вчера вечером она просидела над таблицей расходов до полуночи, пытаясь убедить цифры, что они должны выглядеть приветливее. Цифры оказались людьми бескомпромиссными. Три года назад, уходя из офиса, где она занималась договорами и отчётами, Варвара представляла собственное дело немного иначе: свобода, красивые вещи, благодарные покупатели. Про налоги, сломанный кассовый аппарат и поставщика, приславшего вместо шести стеклянных ваз шесть упаковок пластиковых подставок, в мечте предусмотрительно умалчивалось.

Колокольчик звякнул, и в магазин вошла женщина в длинном непромокаемом плаще. За ней потянулся холодный воздух, а с зонта на коврик посыпались капли.

— Доброе утро, — приветливо сказала Варвара.

— Я только посмотрю.

Это была самая распространённая фраза в магазине. Варвара подозревала, что когда-нибудь её произнесут даже грабители.

Посетительница методично обошла полки, подняла крышку музыкальной шкатулки, закрыла её и остановилась перед витриной с фарфоровыми фигурками.

— А этот кот из какого материала?

— Фарфор, — ответила Варвара.

— А почему он такой дорогой?

Варвара посмотрела на ценник, который в последнее время сама находила несколько оптимистичным.

— Ручная роспись, небольшая мастерская. Каждую делают отдельно иногда под заказ.

— Понятно. А подешевле такого нет?

— Есть похожие фигурки на нижней полке.

— Нет, мне именно такую. Только дешевле.

Зинаида Павловна, услышавшая разговор, с величайшей осторожностью положила салфетку на прилавок. Варвара знала этот жест: продавщица готовилась произнести что-нибудь предельно вежливое и потому особенно опасное.

— Если хотите, — поспешила Варвара, — я могу записать ваш номер и сообщить о скидке дополнительно.

Женщина задумалась, словно речь шла о решении, которое изменит жизнь нескольких поколений.

— Не надо. Я ещё похожу.

Она вышла через двадцать минут, оставив после себя влажные следы и уверенность, что в соседнем городе всё стоит вдвое дешевле. Зинаида Павловна дождалась, пока дверь закроется, и подняла салфетку.

— Зато посмотрела, — заметила она.

— Не начинайте.

— Я и не начинала. Я подвожу итоги.

К полудню Варвара продала открытку с лисой, набор свечей и одну деревянную подставку под чашку. Последнюю купил мужчина, которому срочно требовался подарок коллеге. Узнав цену, он попросил упаковать покупку так, чтобы она выглядела солиднее. Варвара выбрала плотную крафтовую бумагу, перевязала коробочку тёмной лентой и почувствовала себя специалистом по повышению общественного статуса небольших предметов.

В обед появилась Люся Котова — невысокая, собранная женщина с прямыми русыми волосами до плеч и очками в тонкой оправе. Она работала бухгалтером, знала о налоговых сроках больше, чем большинство людей желало знать о собственной смертности, и дружила с Варварой со студенческих времён. В руках Люся держала бумажный стакан кофе и папку с документами, прикрытую от дождя так тщательно, словно в ней находились не счета, а государственные тайны.

— У меня две новости, — объявила она вместо приветствия. — Хорошая: я принесла тебе расчёты. Плохая: я их посчитала.

— Ты умеешь поддержать человека.

— Это ещё поддержка. Если бы я хотела тебя добить, принесла бы прогноз на декабрь.

Люся поставила стакан на прилавок, убедилась, что рядом нет ничего, способного опрокинуться на бумаги, и раскрыла папку. Варвара заглянула в таблицу с таким выражением, с каким обычно изучают медицинские анализы, полученные перед отпуском.

— Сколько у меня времени до полного разорения?

— Если перестанешь закупать вещи только потому, что они «чудесные», — вполне достаточно. Если продолжишь — придётся продавать чудесные вещи вместе с полками.

— Полки хорошие. Дорого обошлись.

— Я помню. У меня до сих пор нервный тик при слове «массив».

Зинаида Павловна, не отрываясь от распаковки открыток, сообщила, что магазин вовсе не бедствует, а переживает временное затишье. Люся подняла глаза поверх очков.

— Зинаида Павловна, вы мне это говорили в августе.

— И была права. Август закончился.

Варвара рассмеялась. Ей нравилось, что две женщины, столь непохожие друг на друга, умели спорить без настоящей злости. Зинаида Павловна считала Люсю человеком, у которого вместо сердца калькулятор, но охотно советовалась с ней о семейных расходах. Люся, в свою очередь, подозревала продавщицу в преувеличении достоинств каждого товара, однако признавала, что та способна уговорить покупателя вернуться за забытым зонтом и по дороге продать ему свечу.

Пока они обсуждали, какие закупки можно отложить до декабря, колокольчик прозвенел снова.

На пороге стояла молодая женщина в сером пальто. Она не вошла сразу, а задержалась у коврика, тщательно стряхивая воду с ботинок, хотя грязи на них почти не было. Невысокая, тонкая в плечах, с гладко зачёсанными тёмными волосами и мягкими, несколько усталыми чертами лица, она выглядела так, словно уже заранее извинялась за причинённое неудобство.

— Здравствуйте, — тихо произнесла она. — Можно посмотреть? Я ничего не испачкаю.

— Конечно, проходите, — отозвалась Варвара. — У нас можно даже трогать некоторые вещи. Правда, лучше сначала спросить какие.

Женщина улыбнулась, неуверенно, но благодарно, и прошла вдоль полок. Она задерживалась у каждой витрины чуть дольше, чем обычный посетитель, рассматривала ценники, затем переводила взгляд на прилавок и входную дверь. Варвара решила, что та выбирает подарок и боится ошибиться. Таких покупателей было немало: стоило человеку представить, что подарок не понравится, как безобидная покупка превращалась в испытание на прочность.

— Вы ищете что-то определённое? — спросила Варвара, когда гостья остановилась перед шкафом с музыкальными шкатулками.

— Пока нет. Простите, я, наверное, только мешаю.

— Вы мне ничуть не мешаете.

— Просто здесь так красиво. Я давно собиралась зайти, но всё проходила мимо.

Варвара искренне обрадовалась. Комплименты интерьеру не оплачивали коммунальные услуги, зато хотя бы подтверждали, что три года назад она не сошла с ума окончательно, выбрав для магазина тёмное дерево и зелёные обои вместо привычных белых стеллажей.

— Тогда осматривайтесь спокойно. Если понадобится помощь, я рядом.

Гостья кивнула и наклонилась к одной из витрин. Отполированное стекло на мгновение отразило её лицо так ясно, что Варвара увидела сосредоточенный взгляд, совсем не похожий на растерянную улыбку минутой раньше. Но женщина тут же отступила, заинтересовавшись набором открыток, и Варвара забыла об этом случайном впечатлении.

Люся молча следила за ней из-за раскрытой папки. Когда посетительница отошла к дальнему стеллажу, она наклонилась к Варваре.

— Она тебе знакома?

— Нет. А что?

— Ничего. Просто спрашиваю.

— Люся, ты так говоришь, когда уже составила обвинительное заключение.

— Я бухгалтер, Варя. Я составляю ведомости. Обвинительные заключения — не моя специализация.

Женщина в сером пальто тем временем взяла с полки маленькую деревянную коробочку, осмотрела её со всех сторон и осторожно вернула на место. Несколько раз она словно собиралась о чём-то спросить, но каждый раз передумывала. Наконец, подойдя к прилавку, виновато улыбнулась.

— Извините, я сегодня ничего не выбрала. Можно зайти в другой раз?

— Конечно. Мы каждый день работаем, кроме воскресенья.

— Спасибо вам. И простите, что отвлекла.

— Вы нас не отвлекли, — заверила Варвара. — Приходите.

Когда дверь за посетительницей закрылась, Люся медленно убрала документы в папку.

— Что? — спросила Варвара, уже угадывая её настроение.

— Ничего. Просто удивительно, как человек может извиняться за то, что зашёл в магазин. Ты же не пограничный пункт открыла.

— Она стесняется.

— Возможно.

В этом «возможно» было столько сомнения, что хватило бы на проверку трёх годовых отчётов.

— Ты даже имени её не знаешь, — напомнила Варвара.

— Вот именно. Поэтому я пока ничего о ней не думаю.

Зинаида Павловна, выслушавшая разговор с профессиональным вниманием человека, привыкшего одновременно следить за кассой и чужими судьбами, заявила, что девушка, вероятно, недавно переехала. В Тихореченске незнакомые лица замечали быстро, а причины их появления обсуждали ещё быстрее.

— Может, она просто раньше к нам не заходила? — предположила Варвара.

— В Тихореченске, Варвара Анатольевна, это почти одно и то же, — ответила продавщица.

После ухода Люси день потянулся медленнее. На улице крупные снежинки ненадолго смешались с дождём, растаяли на тёмном асфальте и оставили горожан в сомнении, была ли это первая попытка зимы или очередная выходка ноября. Варвара проверила заказы, ответила на сообщение поставщика, который обещал доставить недостающие коробки «в ближайшее время», и снова посмотрела на кота.

К четырём часам в магазин заглянула пожилая пара. Мужчина хотел приобрести часы на камин, женщина убеждала его, что камина у них нет. Они ушли, договорившись обсудить

покупку дома. Варвара пожелала им хорошего вечера и мысленно посочувствовала часам: перспективы у них были слабые.

— Не расстраивайтесь, — сказала Зинаида Павловна, снимая с двери табличку с рекламой осенней распродажи. — Перед праздниками всё пойдёт.

— Я не расстраиваюсь. Я просто подсчитываю, сколько человек сегодня пришло полюбоваться моей жизнью.

— Восемь. И трое купили.

— Вы считали?

— Разумеется. Кто-то же должен следить за статистикой, пока вы с котом ведёте переговоры.

Варвара улыбнулась и выключила подсветку дальней витрины. В стеклянной двери отражалась улица: мокрые тротуары, красные огни машин, тёплое окно кофейни напротив. Когда-то ей казалось, что маленький магазин подарков должен быть местом, где люди хотя бы ненадолго забывают о своих неприятностях. За три года она поняла, что неприятности приходят вместе с людьми, выбирают открытки, спорят из-за цен и иногда забывают зонты. Но от этого магазин почему-то не становился ей менее дорог.

Она подняла с прилавка журнал заказов и записала просьбу постоянной покупательницы отложить набор бокалов до пятницы. Потом, подумав, добавила на полях напоминание заказать подарочную бумагу. Впереди был декабрь; он обещал много работы, а при удачном стечении обстоятельств — даже прибыль.

За окном снова зашуршал дождь. Варвара погасила верхний свет, и золотистые деревянные панели на секунду потемнели, будто магазин тоже собирался спать. Над дверью тихо звякнул колокольчик, когда Зинаида Павловна вышла первой.

Оставшись одна, Варвара передвинула кота на пять сантиметров вправо. Теперь он хотя бы смотрел на вход, а не на стену.

Она заперла дверь и пошла домой, не подозревая, что вскоре её собственный магазин окажется связан с событиями, для которых в ассортименте «Не ждали?» не нашлось бы подходящей подарочной упаковки.

Глава 2. Покупатель всегда прав. К сожалению

На следующее утро Варвара обнаружила, что ноябрь умеет удивлять: дождь прекратился, но легче от этого никому не стало. Ночью подморозило, и лужи затянулись тонкой коркой льда, которую прохожие разбивали с осторожностью людей, не уверенных в собственном достоинстве. К десяти часам лёд растаял, оставив после себя грязь и общее чувство обманутых ожиданий.

Варвара добралась до магазина с пакетом свежих булочек. Она купила их в пекарне за углом, рассчитывая разделить завтрак с Зинаидой Павловной, но та встретила её у прилавка с таким выражением лица, будто хлебобулочные изделия уже не могли исправить положения.

— Вам звонили, — сообщила продавщица.

— Кто? Налоговая? Арендодатель? Или человек, которому мы продали сову с недостаточно приветливым выражением?

— Мужчина. Назвался Белозёровым. Виктором Аркадьевичем.

Варвара поставила пакет на стойку. Фамилия была ей знакома, хотя сам Виктор Аркадьевич к числу постоянных покупателей не относился. О нём в Тихореченске знали почти все: коллекционер старинных вещей, владелец большого дома на окраине, человек с деньгами и непростым характером. Последнее определение, по наблюдениям Варвары, чаще всего применяли к людям, которым окружающие не решались прямо сказать, что они ведут себя отвратительно.

— И что ему понадобилось?

— Вас. Лично. Я предложила передать сообщение, а он спросил, когда хозяйка соизволит появиться на рабочем месте.

— Очень располагающее начало знакомства.

— Я сказала, что хозяйка работает с девяти, но сегодня задержалась по делам магазина.

Варвара посмотрела на булочки. В каком-то смысле это была правда.

— Спасибо, Зинаида Павловна.

— Не благодарите заранее. Он обещал перезвонить.

Телефон зазвонил так своевременно, словно Виктор Аркадьевич подслушивал из-за витрины. Зинаида Павловна не стала брать трубку, лишь придвинула аппарат Варваре и отошла к полкам, сохранив, однако, расстояние, вполне пригодное для наблюдения за происходящим.

— Магазин «Не ждали?», Голубева Варвара Анатольевна, слушаю вас.

— Наконец-то, — раздался в трубке хрипловатый мужской голос. — Я с утра пытаюсь выяснить, кто у вас отвечает за старинные вещи.

— Если речь о товарах нашего магазина, отвечаю я. Чем могу помочь?

— Помочь? Вы сначала объясните, откуда у вас появляются предметы с сомнительной историей.

Варвара выпрямилась. Неприятные разговоры с покупателями случались и раньше, но обычно начинались с разбитой упаковки, ошибочного ценника или просьбы вернуть деньги за вещь, которую успели подарить и получить обратно.

— Уточните, пожалуйста, о каком предмете идёт речь.

— Не притворяйтесь, что не понимаете. Музыкальная шкатулка. Старая. С металлической пластиной на крышке.

Варвара вспомнила её не сразу. В магазине бывали вещи, принятые на комиссию, и большинство задерживалось ненадолго. Но шкатулка действительно запомнилась: тёмное дерево с потёртыми углами, небольшая заводная ручка, мелодия, звучавшая неровно, словно механизм время от времени задумывался о собственной старости. Её принесла несколько месяцев назад Елена Вадимовна Миронова, а потом забрала, не дождавшись покупателя.

— Эта шкатулка у нас больше не находится, — осторожно ответила Варвара. — Если вы хотели её приобрести, боюсь, помочь не смогу.

— Я не собираюсь ничего у вас приобретать! — голос Белозёрова повысился настолько, что Зинаида Павловна перестала изображать заинтересованность открытками. — Мне известно, что через ваш магазин пытались провести вещь, происхождение которой не подтверждено.

— Мы принимали её по договору комиссии. Документы на приём оформлены.

— Бумажку можно оформить на что угодно.

Варвара почувствовала, как в ней поднимается раздражение. Три года она объясняла людям разницу между антиквариатом и вещью, которая просто долго пролежала на чердаке; терпела торг из-за трещины, честно указанной в описании; возвращала предоплату, когда покупатель передумывал. Но обвинение в нечестной торговле задевало совсем иначе.

— Виктор Аркадьевич, — произнесла она, стараясь говорить ровно, — если у вас есть сведения о незаконном происхождении предмета, сообщите их. Мы сохранили документы о приёме и возврате. Если вы просто хотите предъявить мне обвинение по телефону, боюсь, это бесполезный разговор.

На другом конце линии послышалось тяжёлое дыхание. Затем Белозёров спросил уже тише:

— Кто приносил шкатулку?

— Я не вправе передавать данные человека постороннему без оснований.

— Вы не понимаете, с чем связались.

— Пока я понимаю только то, что вы мне угрожаете.

— Я вас предупреждаю.

Связь оборвалась. Варвара ещё несколько секунд держала трубку возле уха, словно собеседник мог вернуться и вежливо уточнить, что всё это было недоразумением. Но телефон молчал.

— Вот ведь человек, — сказала Зинаида Павловна, подойдя к стойке. — С ним всегда было трудно, а последние годы совсем невозможно.

— Вы его знаете?

— В нашем городе не знать Виктора Аркадьевича — это надо специально постараться. Раньше с ним хоть разговаривать можно было. Теперь как повезёт: в один день поздоровается, в другой обвинит в том, что на улице ветер.

— Может, он знает что-то о шкатулке?

— Может. Только знание не даёт права орать на людей до завтрака.

Зинаида Павловна развернула бумажный пакет и, оценив содержимое, прибавила:

— Особенно когда люди принесли булочки.

Варвара невольно улыбнулась, но настроение уже испортилось. Она достала из нижнего ящика папку с комиссионными актами и начала искать запись о шкатулке. В последние месяцы таких сделок было немного; всё же документы пришлось перелистать дважды, прежде чем нашёлся нужный лист.

Елена Вадимовна Миронова. Дата приёма — четыре месяца назад. Описание предмета, состояние, подписи обеих сторон. Дата возврата — спустя три недели. Всё было на месте.

К акту прилагался конверт с фотографиями, распечатанными для карточки товара. На одной из них шкатулка стояла открытой, на другой была видна металлическая пластина с потёртыми буквами. Варвара не стала разглядывать снимки: телефонный разговор и без того съел достаточно рабочего времени. Она проверила подписи, закрыла папку и убрала её обратно.

— А вы ведь тогда ещё говорили, что вещь странная… — вспомнила Зинаида Павловна.

До обеда покупателей почти не было. Двое школьников долго выбирали подарок учительнице, споря, насколько уместно вручать человеку, который проверяет домашние задания, кружку с надписью «Не нервируйте меня». Варвара посоветовала им что-нибудь нейтральное, и мальчики ушли с блокнотом и выражением людей, которых лишили небольшой, но заслуженной мести.

Ближе к часу заглянула Люся. В отличие от Варвары, она не позволяла погоде определять состояние собственной причёски: тёмные волосы были гладко убраны, на плечах сидело аккуратное пальто, а в руке она держала тонкую папку, от которой Варвара сразу захотела спрятаться.

— Не смотри так, — сказала Люся. — Я не с проверкой.

— У бухгалтеров эта фраза должна быть запрещена законом. Ты принесла отчёты?

— Только счета за прошлую неделю. И новость: ты забыла выставить поставщику претензию за разбитую вазу.

— Я собиралась.

— Когда? После того как осколки станут археологической находкой?

Варвара забрала папку и, воспользовавшись тем, что подруга была настроена на привычную деловую волну, рассказала ей о звонке Белозёрова. Люся выслушала молча, лишь однажды переспросила фамилию женщины, приносившей шкатулку.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовалась она.

— Ничего. У нас всё оформлено правильно.

— Это хорошо. Но я бы сохранила и запись звонка, если она есть, и все бумаги по шкатулке. На всякий случай.

— Люся, ты так говоришь, будто я уже фигурирую в уголовном деле.

— Нет. Я говорю как человек, который видел, сколько неприятностей начинается со слов «у нас всё оформлено правильно».

Варвара хотела ответить, но над дверью звякнул колокольчик. На пороге появилась вчерашняя посетительница — та самая женщина, которая долго рассматривала подарки, так ничего и не купив.

Сегодня она была в светлом пуховике, на котором ещё блестели капли растаявшего снега. Тёмно-русые волосы выбились из-под вязаной шапки, а на лице застыло знакомое робкое выражение человека, заранее готового извиниться за причинённые неудобства. Она остановилась у коврика, осторожно вытирая подошвы, и только потом подняла глаза.

— Здравствуйте. Простите, я опять к вам.

— Здравствуйте, — приветливо ответила Варвара. — Проходите. Вы нам совершенно не мешаете.

Женщина улыбнулась с заметным облегчением.

— Я вчера видела у вас маленькую открытку с домиком. Там ещё фонарь нарисован. Не знаю, осталась ли она.

— Сейчас посмотрим.

Пока Варвара перебирала стойку с открытками, Люся отошла к столу для упаковки. Оттуда ей было прекрасно видно посетительницу, которая, не решаясь приблизиться, ждала в нескольких шагах от прилавка.

— Вот эта? — Варвара показала открытку с заснеженной улицей и освещённым окном.

— Да, именно. Какая красивая. Я боялась, что её уже купили.

— У нас некоторые открытки умеют ждать своего человека месяцами, — заметила Варвара.

— Тогда мне повезло.

Женщина взяла открытку обеими руками, словно это была не плотная бумага с золотистым тиснением, а хрупкая вещь, которую легко повредить. Потом взглянула на ценник и чуть заметно замялась.

— Если дорого, у нас есть похожие попроще, — предложила Варвара.

— Нет-нет, что вы. Я возьму эту. Простите, что заставила вас искать.

— Работа у меня такая — находить то, что прячется от покупателей.

На кассе выяснилось, что посетительницу зовут Нина Михайловна Лаврова. Она назвала имя, когда Варвара предложила подписать небольшой подарочный конверт, но тут же смутилась и сказала, что конверт не нужен: открытка предназначалась человеку, которому она хотела написать сама.

— Очень приятно, Нина Михайловна, — сказала Варвара, пробивая покупку.

— И мне. Я вчера увидела ваше имя на бейдже. Варвара Анатольевна, да?

— Совершенно верно.

— Красивое имя.

Комплимент прозвучал так просто, что Варвара не нашлась с ответом и только поблагодарила. Нина бережно убрала открытку в сумку, несколько раз сказала «спасибо» и направилась к выходу. У двери она оглянулась, будто хотела что-то добавить, но передумала.

— Хорошего вам дня, — пожелала Варвара.

— И вам. Простите ещё раз.

Когда дверь закрылась, Люся подняла брови.

— Ты заметила?

— Что открытка наконец продалась? Заметила. Это исторический день.

— Что она извиняется за всё подряд.

— Возможно, человек просто стеснительный.

— Возможно, — повторила Люся без особого убеждения. — А возможно, ей очень нужно, чтобы все вокруг считали её стеснительной.

Варвара повернулась к подруге.

— Ты сейчас подозреваешь девушку в том, что она слишком вежливо купила открытку?

— Я пока никого ни в чём не подозреваю. Мне просто не нравится, когда человек заранее просит прощения за собственное присутствие.

— У тебя сегодня тяжёлый день?

— У меня обычный день. Это у тебя, похоже, начался конкурс на самого безобидного покупателя.

Зинаида Павловна, до того молча расставлявшая на полке свечи, вмешалась с неожиданной горячностью:

— Девушка вполне приличная. Обувь вытерла, руками ничего не хватала, сдачу пересчитала один раз и без претензий. Я бы таких покупателей поощряла.

— Медалью? — уточнила Люся.

— Хотя бы скидкой в пять процентов.

— Тогда мы окончательно разоримся, — заметила Варвара. — У нас половина города приличная, пока не доходит до возврата товара.

Разговор перешёл на счета, но Варвара ещё некоторое время думала о Нине. Люся умела замечать мелочи, однако иногда её недоверие опережало всякие доказательства. Особенно после истории с приятельницей, которой она когда-то одолжила крупную сумму и от которой потом получила лишь убедительную коллекцию объяснений, почему возвращать деньги пока неудобно. Варвара не считала, что этот опыт давал подруге право заранее осуждать незнакомых людей.

К вечеру телефонный разговор с Белозёровым перестал казаться главной неприятностью дня. Привезли заказанные упаковочные коробки, но половина оказалась другого раз-

мера; Зинаида Павловна устроила курьеру обстоятельную лекцию о различиях между сантиметрами, после которой тот пообещал лично разобраться с накладной. Затем в магазин пришла женщина, требовавшая заменить свечу, потому что та «слишком быстро заканчивается, когда горит». Варвара объяснила принцип работы свечей с предельной деликатностью и получила в ответ обиженное замечание о качестве современного обслуживания.

Перед закрытием она снова достала папку с комиссионными актами. На этот раз внимательно сверила даты, номера и подписи, убедившись, что никаких пропусков нет. Внешне всё выглядело безупречно. Только вопрос Белозёрова — откуда у неё появляются вещи с сомнительной историей — никак не выходил из головы.

Она могла бы позвонить Елене Вадимовне Мироновой и спросить, не возникло ли каких-нибудь проблем со шкатулкой. Но было уже поздно, да и объяснять чужие обвинения женщине, которая четыре месяца назад забрала собственную вещь, казалось Варваре несправедливым. Она решила дождаться, пока Белозёров сообщит что-нибудь конкретное.

Зинаида Павловна выключала подсветку витрин, когда Варвара убрала папку на место.

— Всё проверили?

— Всё. Документы в порядке.

— Тогда и не думайте о нём.

— О Белозёрове?

— О ком же ещё. Он, между прочим, раньше сам по комиссионным магазинам ходил. Скупал вещи, торговался так, что продавцы после него неделю цены боялись называть. А теперь вдруг происхождением озаботился.

— Может, с возрастом стал принципиальнее.

— Может, — согласилась Зинаида Павловна и взяла сумку. — Только принципиальность у некоторых людей появляется исключительно тогда, когда им что-то не досталось.

Варвара проводила её до двери. Снаружи на стекло ложились первые редкие снежинки; крупные, красивые, они исчезали почти сразу, едва касаясь мокрого тротуара. Из кофейни напротив вышел молодой человек с двумя стаканами, один из которых тут же уронил, и остановился над расплывающимся тёмным пятном с выражением неподдельной утраты.

Варвара посочувствовала ему, погасила свет и заперла магазин. В сумке лежали счета Люси, в телефоне — номер человека, с которым ей совсем не хотелось разговаривать, а в голове вертелась мысль о старой музыкальной шкатулке, давно покинувшей витрину.

Пожалуй, завтрашний день следовало начать с хорошего кофе. С остальным, как показывала практика, можно было и не справиться.

Глава 3. Особые пожелания за отдельную плату

В четверг Варвара пришла на работу раньше Зинаиды Павловны, что само по себе случалось достаточно редко, чтобы заслуживать отдельной записи в календаре. Накануне она обещала разобрать коробку с новыми подарочными наборами, но к вечеру обнаружила, что у каждого набора имеется собственное представление о том, как должна закрываться крышка. Победить упаковку с первого раза не удалось, и Варвара решила воспользоваться утренней тишиной, пока никто не видел её переговоров с картоном.

За окнами Тихореченск медленно выбирался из сырой темноты. На остановке напротив кофейни теснились люди, прятавшие руки в карманы; вдоль тротуара тянулась узкая полоса золотистых листьев, прибитых дождём к асфальту. Вчерашний снег исчез без следа, оставив городу только воспоминание о том, что зима где-то поблизости и не собирается спрашивать разрешения.

Варвара расставила коробки на прилавке и принялась проверять содержимое. В одном наборе недоставало декоративной ленты, в другом оказались две одинаковые открытки, а в третьем вместо свечи с ароматом хвои лежала свеча с ароматом морского бриза. Для конца ноября это было предложение весьма смелое: море в Тихореченске существовало исключительно на календарях и в воспоминаниях тех, кому удалось однажды выбраться в отпуск.

Колокольчик над дверью звякнул, когда она пыталась закрыть особенно упрямую крышку.

— Мы ещё не открылись, — произнесла Варвара, не поднимая головы. — Но если вы по делу, проходите.

— По делу, — ответил мужской голос. — И, судя по всему, вовремя.

Перед прилавком стоял высокий пожилой мужчина в тёмном пальто, когда-то дорогом, но давно утратившем прежнюю безупречность. На воротнике виднелись капли дождя; седые волосы были зачёсаны назад, лицо казалось усталым, с резкими складками у рта. В одной руке он держал кожаную папку, в другой — трость с потёртой рукоятью, которой, впрочем, не пользовался для опоры.

Варвара выпрямилась.

— Виктор Аркадьевич Белозёров?

— Значит, запомнили.

— После нашего телефонного разговора было бы трудно забыть.

Он окинул магазин взглядом, задержавшись на деревянных стеновых панелях, изумрудной полосе обоев за стойкой и отполированных витринах. В стекле ближайшей отражалось его собственное лицо; Белозёров нахмурился, словно магазин и тут умудрился предложить ему не то, что требовалось.

— Вы хозяйка?

— Голубева Варвара Анатольевна. Да, хозяйка.

— Надеюсь, сегодня мы обойдёмся без нравоучений.

Варвара аккуратно отложила крышку. По её опыту, разговор, начинавшийся с надежды обойтись без нравоучений, обычно содержал целую их коллекцию.

— Это зависит от того, будем ли мы обсуждать документы или мои профессиональные качества.

Белозёров поставил папку на прилавок, но не отпустил её.

— Вы ведь понимаете, что через ваш магазин проходила вещь из старой коллекции?

— Через магазин проходила шкатулка, принятая по договору комиссии.Её принесли, а затем забрали. У меня сохранились фотографии и акт возврата.

— Фотографии, — повторил он с неожиданным интересом. — Все?

— Те, которые делали для продажи. Почему вы спрашиваете?

Белозёров несколько секунд молчал. Варвара заметила, что у него дрожат пальцы, сжимавшие край папки. Не сильно, но достаточно, чтобы это бросилось в глаза. От мужчины исходил запах крепкого одеколона, за которым угадывалось что-то резкое, спиртное. Однако говорил он связно, и взгляд его оставался внимательным.

— Потому что на старых вещах иногда сохраняются отметки, которых не замечают люди, привыкшие оценивать их по цвету лака.

— Я не специалист по антиквариату, Виктор Аркадьевич. И никогда им себя не называла.

— Тем хуже для вас, если вы не знаете, что принимаете.

Варвара почувствовала знакомое желание ответить резко, но удержалась. Белозёров явно пришёл не ради удовольствия поссориться. В папке, которую он так и не открыл, что-то лежало; он то смотрел на неё, то переводил глаза на Варвару, словно никак не мог решить, стоит ли показывать содержимое.

— Если у вас есть основания считать шкатулку краденой, — сказала она, — я готова предоставить документы полиции. Это гораздо полезнее, чем обвинять меня в том, чего я не делала.

— Полиции, — усмехнулся Белозёров. — У полиции свои заботы. Им подавай готовую историю с понятным концом.

— А у вас история с непонятным?

Его лицо вдруг изменилось. На мгновение Варваре показалось, что он сейчас расскажет всё: о шкатулке, о людях, которым она принадлежала, о причине своего странного интереса. Но Белозёров только плотнее сжал губы.

— Мне нужны копии фотографий. И имя человека, который принёс вещь.

— Имя я вам по телефону уже отказалась сообщать. Ничего не изменилось. А фотографии я могу показать, если вы объясните, какое отношение имеете к шкатулке.

— Самое непосредственное.

— Это не объяснение.

Он раздражённо постучал пальцем по папке.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые пытаются вас предупредить?

— Только с теми, кто предупреждает, не называя опасности.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Белозёров неожиданно отвёл взгляд и тяжело опустился на стул возле столика для оформления заказов. Варвара не стала комментировать эту перемену; она видела, что человеку действительно нехорошо.

— Воды принести?

— Не нужно.

Он помолчал и уже значительно тише произнёс:

— Есть бумаги. Старые. Они объясняют, почему эта вещь не должна была появиться в продаже. Я не ношу их с собой без необходимости.

Варвара посмотрела на папку, но не спросила, что же тогда в ней лежит. Белозёров, заметив её взгляд, убрал папку к себе на колени.

— Я могу приехать и показать их вам, — сказал он. — Не здесь. У меня дома. Там спокойнее.

— Почему не передать их полиции?

— Потому что сначала я хочу понять, насколько глубоко вы в это влезли.

Варвара едва не рассмеялась от возмущения.

— Я никуда не влезала. Мне принесли шкатулку, я оформила её на комиссию, потом вернула владелице. Если у вас есть ко мне претензии, изложите их письменно.

Белозёров поднялся, опираясь ладонью на край стола.

— Хорошо. Тогда сделаем иначе. В среду, в половине седьмого вечера, приезжайте ко мне. Я покажу документы. Вы принесёте копии фотографий и акта. После этого решим, что делать дальше.

— Почему именно в среду?

— Потому что раньше я занят.

Тон был таким, будто расписание Белозёрова относилось к государственным тайнам. Варвара уже собиралась отказаться, но мысль о старой шкатулке не давала покоя. Если действительно существовали документы, ставившие под сомнение происхождение вещи, ей нужно было увидеть их самой. Неприятности, даже чужие, имели обыкновение обрастать подробностями за счёт тех, кто вовремя не задал вопросов.

— При одном условии, — сказала она. — Я сделаю копии, а оригиналы останутся в магазине. И если выяснится что-то незаконное, мы обратимся в полицию.

Белозёров коротко кивнул.

— Адрес знаете?

— Знаю, где ваш дом. Но лучше запишите точный адрес и номер телефона.

Он достал из внутреннего кармана визитную карточку. Бумага была плотная, слегка пожелтевшая по краям; на обороте он неровным почерком написал: «Среда, 18:30».

— Не опаздывайте.

— Постараюсь, — ответила Варвара. — И вы, пожалуйста, подготовьте те бумаги, о которых говорили.

Белозёров направился к выходу, но на пороге остановился.

— И ещё, Варвара Анатольевна. До нашей встречи никому не показывайте фотографии.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, кто ими заинтересуется.

Он ушёл, не дождавшись ответа.

Варвара осталась посреди магазина с визиткой в руке и неприятным ощущением, будто разговор был заранее продуман кем-то другим, а ей досталась роль человека, который должен соглашаться на чужие условия. За стеклом Белозёров медленно прошёл к припаркованной у тротуара машине. Водитель открыл ему дверь; прежде чем сесть, коллекционер обернулся к витрине, но из-за отражений Варвара не могла понять, смотрит ли он на неё.

Зинаида Павловна появилась через десять минут. Узнав о визите, она сняла пальто, повесила его на крючок и потребовала рассказать всё с самого начала.

— Вы к нему домой собрались? — переспросила она, когда Варвара дошла до назначения встречи.

— Не сегодня. В среду.

— Всё равно. У него дом большой, а настроение маленькое. И последнее время он, говорят, совсем не бережёт здоровье.

— Я еду смотреть документы, не знакомиться с его настроением.

— Документы можно показать и здесь.

— Я тоже так считаю.

— А он, значит, нет.

Зинаида Павловна задумчиво расправила край скатерти на упаковочном столе. Обычно она не упускала случая рассказать подробности чужой жизни, но сейчас говорила осторожнее.

— Маргарита Леонидовна давно с ним не живёт. Однако бывает у него, особенно когда он трезвый. То продуктов привезёт, то по дому поможет. Говорят, ей жалко его бросать совсем, хотя терпеть его характер уже сил нет.

— Это его жена?

— Жена. Разводиться не стали. А жить вместе перестали.

Варвара вспомнила дрожащие пальцы Белозёрова, раздражение, с которым он бросался на каждое слово, и решила, что Зинаида Павловна, вероятно, недалека от истины. Но чужая семейная жизнь не объясняла интереса к музыкальной шкатулке.

— Не нравится мне эта история, — призналась она.

— Мне тоже. Особенно то, что вы собираетесь туда одна.

— Зинаида Павловна, я не ребёнок. К тому же он сам назначил встречу.

— Вот именно, — сказала продавщица. — Поэтому и не нравится.

К обеду тревога несколько притупилась. Варвара занялась заказами, которые требовали куда меньше размышлений о человеческой природе: подготовила подарочную корзину для юбилея, согласовала надпись на деревянной табличке и трижды объяснила клиенту, почему надпись «Самому лучшему начальнику на свете» не помещается на брелоке размером с монету. Клиент предложил уменьшить шрифт до пределов, при которых начальнику понадобилась бы лупа, но в конце концов согласился на открытку.

В три часа в магазин зашла Люся, неся в руках кофе из заведения напротив. Варвара приняла стакан с благодарностью человека, которому только что вернули веру в дружбу.

— Ты сегодня подозрительно щедра, — заметила она.

— Я получила от тебя вовремя подписанные документы. Решила отметить историческое событие.

Они устроились за маленьким столиком в глубине магазина, пока Зинаида Павловна обслуживала покупательницу, выбиравшую набор ароматических свечей по принципу «лишь бы не пахло свечами». Варвара рассказала о Белозёрове. Люся выслушала её, помешивая кофе деревянной палочкой, и нахмурилась.

— То есть мужчина сначала обвиняет тебя по телефону, потом приходит лично, снова обвиняет, ничего не показывает и приглашает к себе домой?

— Если изложить так, звучит не очень.

— А как ещё это изложить?

— Он обещал документы.

— Документы, которые почему-то нельзя принести в магазин. Варя, тебе самой это не кажется странным?

— Кажется. Поэтому я и хочу разобраться.

Люся отложила палочку.

— Тогда хотя бы сообщи мне адрес и время. И не ходи туда, если он будет пьян.

— Я собираюсь на деловую встречу, а не в разведку.

— Люди, которые отправляются в разведку, обычно хотя бы знают об этом заранее.

Варвара улыбнулась, но записала Люсе адрес с визитки. Подруга проверила номер дома, сохранила сообщение и только после этого вернулась к кофе. В подобных мелочах проявлялась её забота: она редко произносила громкие слова, зато умела добиться, чтобы нужная информация оказалась у нужного человека.

Под вечер магазин оживился. Из кофейни напротив заходили люди со стаканами, согревая ладони и осматривая полки так внимательно, словно вход в «Не ждали?» давал право на бесплатную экскурсию. Один мужчина спросил, продаётся ли старинный настенный телефон, висевший в углу для украшения; узнав, что телефон не работает, он разочаровался, хотя минутой раньше собирался повесить его исключительно для красоты.

— У нас всё-таки магазин подарков, а не музей, — пробормотала Варвара, когда посетитель ушёл.

— В музее хотя бы билеты продают, — отозвалась Зинаида Павловна.

В половине шестого, когда оставалось закончить упаковку двух заказов, на рабочий компьютер пришло сообщение с новой заявкой. Магазин принимал заказы через страницу в социальной сети: покупатели присылали описание подарка, адрес и пожелания, после чего Варвара

подтверждала наличие товара и отправляла ссылку для оплаты. Обычно переписка занимала больше времени, чем сама покупка, особенно если заказчик просил «что-нибудь небанальное, но не слишком необычное».

На этот раз всё выглядело просто. Аккаунт с нейтральной фотографией пейзажа интересовался небольшой современной музыкальной шкатулкой — светлой, с фигуркой птицы на крышке. Варвара нашла её на полке рядом с подарочными часами и сфотографировала для подтверждения.

«Да, эта подходит, — пришёл ответ. — Можно оформить доставку в среду к 18:30?»

Следом появилось имя получателя: Виктор Аркадьевич Белозёров. Адрес совпадал с визиткой, лежавшей у Варвары под клавиатурой.

Она несколько секунд смотрела на экран, затем усмехнулась. Город был невелик, и совпадения в нём случались с такой регулярностью, что давно перестали казаться чем-то удивительным. Но это выглядело особенно нелепо: человек, который с утра почти обвинял её в торговле сомнительным антиквариатом, теперь должен был получить подарок из того самого магазина.

Варвара набрала: «Доставка по этому адресу возможна. Уточните, пожалуйста, нужно ли передать подарок лично получателю».

«Да, обязательно лично. И хотелось бы, чтобы привезли именно вы, Варвара Анатольевна. Мне вас рекомендовали как хозяйку магазина. Подарок важный, не хочу путаницы».

Она нахмурилась. Просьба была необычной, хотя не беспрецедентной. Иногда заказчики настаивали на личной доставке, считая, что хозяйка магазина несёт особую ответственность за подарочную ленту и торжественность момента. В обычный день Варвара отказала бы: времени на развоз заказов почти не оставалось. Но в среду она и так собиралась к Белозёрову.

«Я могу привезти заказ лично. Доставка оплачивается отдельно. Предварительно подтвердите, пожалуйста, контактный номер получателя или укажите, как с ним связаться при необходимости».

В ответ пришёл номер телефона и просьба не звонить заранее: подарок должен был остаться сюрпризом. Варвара проверила, что адрес указан полностью, и отправила итоговую сумму со ссылкой для оплаты. Через несколько минут платёж прошёл; уведомление появилось в системе магазина, а заявка получила статус оплаченной.

— Что у нас? — спросила Зинаида Павловна, заметив, что Варвара долго смотрит в экран.

— Музыкальная шкатулка. Доставка в среду.

— Хорошая вещица. Девочка с птицей?

— Птица без девочки. И, представьте себе, получатель — Белозёров.

Зинаида Павловна замерла с ножницами в руке.

— Тот самый?

— Другого Виктора Аркадьевича по этому адресу, надеюсь, нет.

— Вот ведь совпадение.

— Я тоже так подумала. Встреча у меня всё равно назначена на половину седьмого, так что отвезу заодно. Заказчик просит передать лично.

— А кто заказал?

— Имени не указал. В профиле — пейзаж, в переписке — ни одной лишней подробности.

— И вы согласились?

— Оплата поступила, адрес есть. Что ещё нам нужно для продажи?

Зинаида Павловна не ответила сразу. Она аккуратно положила ножницы на стол и, присев, подтянула к себе коробку для упаковки.

— Не знаю. Может, я старомодная, но когда человек не хочет назвать себя и при этом требует, чтобы вы лично ехали в чужой дом, мне это не нравится.

— Вы сегодня с Люсей сговорились?

— Нет. Мы просто обе достаточно взрослые, чтобы не считать любую странность милой особенностью характера.

Варвара хотела возразить, однако сама понимала, что заказ выглядел необычно. Она вернулась к переписке и ещё раз проверила сведения. Аккаунт был создан недавно, но это само по себе ничего не значило: многие люди заводили отдельные страницы, чтобы заказывать подарки и не портить сюрприз. Платёж прошёл, адрес существовал, а получатель был ей известен. При этом от неё требовалось не заходить в дом надолго, а передать упакованную шкатулку — занятие, с которым она справлялась уже не первый год.

— Я сообщу Люсе, — сказала Варвара. — И вам оставлю данные заказа. Если что-то изменится, доставку отменим.

— Вот и хорошо.

Зинаида Павловна занялась упаковкой. Она выбрала плотную бумагу глубокого зелёного цвета, перевязала коробку золотистой лентой и приложила маленькую карточку, на которой по просьбе заказчика следовало написать только: «Виктору Аркадьевичу». Ни подписи, ни поздравления. Варвара посмотрела на готовый подарок и решила, что лаконичность — редкая добродетель, особенно когда клиент платит без торга.

Перед закрытием она достала из шкафа папку с комиссионными документами и сделала копии акта приёма, возврата и фотографий старой шкатулки. На снимках деревянная поверхность казалась темнее, чем в действительности, а на одном углу виднелась царапина, напоминавшая тонкую веточку. Варвара сложила листы в отдельный конверт и подписала дату предстоящей встречи.

Две шкатулки, подумала она. Одна — старая, давно возвращённая хозяйке и почему-то не дающая покоя Белозёрову. Другая — новая, предназначенная ему в подарок от неизвестного человека. Ничего общего, кроме названия, у них не было. И всё же Варвара невольно задержала взгляд на двух конвертах, лежавших рядом: в одном — фотографии прошлого, в другом — чек на будущую доставку.

Она убрала документы в сумку, а упакованный подарок — в шкаф для готовых заказов. В среду нужно будет не забыть ни то ни другое.

Когда Варвара вышла на улицу, уже стемнело. В витринах кофейни горели тёплые лампы, по мокрому тротуару скользили отражения фар, а у входа в магазин ветер гонял одинокий лист, которому никак не удавалось выбрать направление.

Она заперла дверь и ещё раз проверила замок. Завтра предстояло обычное рабочее утро, за ним — ещё несколько дней забот, поставок и покупателей. До среды оставалось достаточно времени, чтобы перестать думать о Белозёрове.

По крайней мере, Варвара очень на это рассчитывала.

Глава 4. Подарок, который никто не просил

В среду с утра Тихореченск выглядел так, словно за ночь его попытались отмыть, но на середине процесса передумали. Мелкий дождь промочил крыши и тротуары, размочил листья, оставшиеся в водосточных решётках, и придал домам ту унылую основательность, с какой старые здания обычно переживают ноябрь. К обеду небо немного посветлело, однако солнце так и не показалось: видимо, сочло, что в подобных обстоятельствах его присутствие было бы неуместным.

Варвара Голубева провела первую половину дня за обычными делами, стараясь не думать о предстоящем визите к Белозёрову. Получалось плохо. За прошедшие дни он больше не звонил, хотя она несколько раз ловила себя на том, что поглядывает на телефон. Не позвонила и Елена Вадимовна Миронова, которой Варвара всё-таки оставила сообщение с просьбой связаться по поводу шкатулки. Ответа не последовало.

На столе за кассой лежал конверт с копиями документов. Варвара проверила его содержимое утром, потом ещё раз после обеда и, наконец, перед закрытием. Акт приёма, акт возврата, фотографии — всё было на месте. Всякий раз, когда она перебирала листы, ей казалось, что на одном из снимков она упускает какую-то подробность, но стоило присмотреться, как фотография снова становилась всего лишь изображением старой деревянной шкатулки с потёртой металлической пластиной.

— Вы его скоро до дыр протрёте, — заметила Зинаида Павловна, проходя мимо с коробкой свечей. — Бумага, между прочим, тоже не железная.

— Я просто проверяю, что ничего не забыла.

— Проверяли уже. Дважды. Если в третий раз всё окажется на месте, предлагаю считать документы воспитанными и оставить их в покое.

Варвара убрала конверт в сумку. Зинаида Павловна обладала редким талантом делать замечания так, что спорить с ними было почти невозможно, даже когда очень хотелось.

— А подарок? — напомнила продавщица.

— В шкафу. Заберу перед выходом.

— Я бы на вашем месте позвонила получателю.

— Заказчик просил не звонить. Сюрприз.

— Сюрприз — это когда человеку дарят хорошую вещь. А когда хозяйку магазина отправляют к неприятному человеку с коробкой и запрещают предупреждать, это уже похоже на плохо организованное мероприятие.

— Зинаида Павловна, вы с Люсей могли бы открыть бюро предостережений. Уверена, очередь бы стояла до самой площади.

— И всех бы спасли от лишних хлопот, — невозмутимо ответила та.

Варвара не сказала, что и сама испытывает беспокойство. Визит к Белозёрову перестал казаться удачной идеей ещё в выходные, когда она попыталась представить, как будет сидеть в чужом доме напротив раздражённого коллекционера и доказывать, что не имеет отношения к чужим старым тайнам. Но отказаться теперь означало остаться с его обвинениями и собственными догадками. К тому же документы, о которых он говорил, могли помочь разобраться, не подвергла ли она магазин неприятностям, приняв шкатулку на комиссию.

После четырёх Люся прислала сообщение: «Ты сегодня к Белозёрову? Не забудь написать, когда выйдешь». Варвара ответила, что помнит, и добавила нарочито торжественное обещание не принимать от хозяина дома ни предложений вложиться в антиквариат, ни приглашений вступить в тайное общество коллекционеров. Люся прислала в ответ только: «Я серьёзно».

В пять часов в магазине стало тихо. Последняя покупательница ушла с набором чайных ложек, на которые потратила сорок минут сомнений и две минуты оплаты. Зинаида Павловна выключила часть подсветки, поправила скатерть на упаковочном столе и посмотрела на часы.

— Во сколько собираетесь выезжать?

— Около шести. Если дорога будет свободна, доберусь чуть раньше. Хочу поговорить с ним до того, как он решит, что я опоздала.

— Встреча ведь на половину седьмого.

— Я помню. Но адрес знаю, и мне всё равно нужно передать заказ. Лучше приехать спокойно, чем потом искать дом в темноте.

Зинаида Павловна покачала головой, но спорить не стала. Варвара открыла шкаф и достала небольшую коробку, обёрнутую тёмно-зелёной бумагой. Золотистая лента лежала ровно; на карточке аккуратным почерком было выведено: «Виктору Аркадьевичу». Внутри находилась новая музыкальная шкатулка с фигуркой птицы на крышке — недорогая, симпатичная вещица, не имевшая ничего общего с антикварной шкатулкой из старой комиссионной записи.

— Кто-нибудь хоть написал, от кого подарок? — спросила Зинаида Павловна.

— Нет. Только имя получателя.

— Странные нынче люди. Раньше хоть подписывались, чтобы потом благодарили нужного человека.

Варвара положила коробку в плотный бумажный пакет, а конверт с документами — во внутреннее отделение сумки. На кассовом компьютере она отметила заказ как подготовленный к доставке, сверила сумму оплаты и распечатала чек. Неизвестный покупатель так и не сообщил своего имени; в переписке значился только профиль с пейзажем и номер телефона, оставленный для связи. Варвара ещё раз перечитала просьбу о личной передаче, убедилась, что ничего не упустила, и закрыла страницу.

В шесть без нескольких минут она надела пальто. Зинаида Павловна, уже собиравшаяся домой, проводила её до двери.

— Напишите, когда закончите, Варвара Анатольевна.

— Обязательно.

— И не позволяйте ему на вас кричать.

— Постараюсь установить разумный тариф за каждое повышение голоса.

Продавщица улыбнулась, но в глазах её тревога не исчезла.

На улице моросило. Варвара пересекла тротуар, дошла до стоянки и устроила пакет с подарком на пассажирском сиденье так бережно, словно в нём находилась не музыкальная шкатулка, а единственная в городе вещь, не пострадавшая от ноябрьской сырости. Телефон она закрепила на держателе, хотя дорогу знала: большой дом Белозёрова стоял в старой части Тихореченска, за бывшей купеческой улицей, где участки были просторнее, а заборы выше.

Выехав на главную дорогу, Варвара попала за медленно ползущим грузовиком. Она не стала обгонять: впереди у перекрёстка собирались машины, и спешка всё равно ничего бы не дала. В окнах домов уже загорался свет. Возле остановки двое подростков делили один зонт, ссорясь из-за того, кому досталась сухая половина; женщина с продуктовой сумкой осторожно обходила лужу, которая, судя по её размерам, имела все основания претендовать на собственное название.

По мере приближения к старому району движение редело. Варвара свернула с освещённой улицы, проехала мимо кирпичной ограды заброшенного сада и остановилась перед массивными воротами, за которыми виднелся двухэтажный особняк. Когда-то дом, вероятно, производил впечатление: высокий фасад, широкие окна, лепнина над входом. Теперь штукатурка местами осыпалась, водосточная труба отстала от стены, а кусты вдоль дорожки разрослись так, будто хозяин давно перестал с ними договариваться.

Часы на панели показывали десять минут седьмого.

Варвара выключила двигатель и несколько мгновений сидела неподвижно. До назначенной встречи оставалось двадцать минут. Она могла подождать в машине, но дождь усиливался, а мысль о том, что придётся сидеть перед чужим домом и разглядывать тёмные окна, показалась ещё неприятнее, чем ранний визит. В конце концов, Белозёров сам настаивал на разговоре; вряд ли двадцать минут могли принципиально изменить его отношение к ней.

Она взяла пакет, сумку и направилась к калитке. Та оказалась не заперта. Гравийная дорожка под ногами местами заросла травой, ступени крыльца потемнели от влаги. У двери висел старый звонок с потускневшей кнопкой.

Варвара нажала её и прислушалась. Где-то в глубине дома раздался короткий, дребезжащий звук. Никто не вышел.

Она подождала, позвонила ещё раз и постучала костяшками пальцев по деревянной створке.

— Виктор Аркадьевич? — громко произнесла она. — Это Голубева, из магазина. Я немного раньше.

Ответа не было.

Варвара достала телефон. На визитке Белозёрова значился номер, который она заранее сохранила. После нескольких гудков вызов оборвался, не перейдя в разговор. Она попробовала снова — безрезультатно.

Оглянувшись на пустую дорожку, Варвара положила ладонь на дверную ручку. Та поддалась.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

— Виктор Аркадьевич? — повторила она уже менее уверенно.

За порогом было темновато. Из глубины дома тянуло холодом и тяжёлым запахом старой мебели; где-то негромко тикали часы. Варвара замерла. Войти без приглашения было невежливо, но оставить распахнутую дверь и уйти — тоже странно. Она толкнула створку чуть шире и заглянула в прихожую.

На полу лежал коврик, сдвинутый набок. У стены стояла подставка для зонтов, рядом на крючке висело пальто. Ни шагов, ни голоса.

— Я сейчас уйду, если вам неудобно, — предупредила Варвара, обращаясь к пустому коридору. — Просто дверь открыта.

Тишина не изменилась.

Она вошла на несколько шагов, оставив входную дверь незакрытой. Впереди виднелся проход в комнату, освещённую настольной лампой. По пути Варвара заметила высокие шкафы, заставленные книгами и коробками, стопку газет на низком столике, пыльную раму, прислонённую к стене. Дом не выглядел брошенным, но создавал впечатление места, где вещи давно перестали подчиняться человеку и теперь жили по собственным правилам.

— Виктор Аркадьевич?

Её голос прозвучал громче, чем хотелось. Варвара остановилась у открытой двери кабинета и сначала увидела письменный стол: тёмное дерево, бумаги, зелёный абажур лампы. Рядом стояло глубокое кресло. На небольшом столике возле него — бутылка коньяка и бокал.

Потом она увидела Белозёрова.

Он сидел в кресле неловко, слишком низко опустив голову. Одна рука свешивалась вдоль подлокотника; пальцы почти касались пола. В первый миг Варвара подумала, что хозяин уснул. Эта мысль продержалась ровно столько, сколько понадобилось, чтобы заметить неподвижность его груди и неестественный угол, под которым была повернута шея.

— Виктор Аркадьевич?

Она не узнала собственного голоса. Подошла ближе, остановилась, не решаясь коснуться его. Лицо Белозёрова было сероватым, губы чуть разомкнуты. В комнате стоял запах спиртного, смешанный с затхлостью закрытого помещения.

Варвара поставила пакет с подарком на свободный край стола у двери. Руки внезапно стали неловкими, словно она разучилась ими пользоваться. Ей хотелось убедить себя, что человек просто крепко спит, но что-то в его неподвижности делало это объяснение невозможным.

Она осторожно коснулась его плеча.

— Виктор Аркадьевич, вы меня слышите?

Никакой реакции.

Варвара отдёрнула руку, достала телефон и набрала номер экстренной службы. Когда оператор ответил, она не сразу смогла произнести адрес: слова застревали, хотя ещё несколько минут назад она уверенно читала его с визитки.

— Я приехала к человеку… Он не отвечает, — сказала она наконец. — Он сидит в кресле, не двигается. Мне кажется, он умер. Пожалуйста, пришлите скорую.

Оператор задавал вопросы спокойно и последовательно. Варвара назвала фамилию Белозёрова, возраст приблизительно, объяснила, что обнаружила его без сознания, и по указанию оператора проверила, есть ли признаки нормального дыхания. Она старалась делать всё точно, но сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно в трубке. Оператор объяснил, что делать дальше, и оставался на связи, пока направляли помощь.

Когда Варвара вновь посмотрела на лицо Белозёрова, её охватило запоздалое, почти детское возмущение: ещё несколько дней назад этот человек спорил с ней, требовал фотографии, назначал встречу с такой уверенностью, будто распоряжался не только собственным временем, но и чужим. Теперь он не мог ответить даже на своё имя.

Варвара выполнила указания диспетчера настолько, насколько позволяла обстановка. Отдельные минуты распались на несвязанные движения и слова. Она не помнила потом, сколько раз повторила адрес и когда именно сообщила, что входная дверь открыта. Лишь голос оператора, настойчиво возвращавший её к очередному действию, удерживал происходящее от окончательного превращения в кошмар.

Когда в прихожей послышались быстрые шаги, Варвара отступила к стене, пропуская медиков. Один из них коротко спросил, кто вызвал помощь, второй уже подходил к креслу. Она назвала себя, показала на Белозёрова и, отвечая на вопросы, вдруг поняла, что держит в руке визитку, которую всё это время машинально мяла.

Осмотр занял недолго. Медик поднялся и посмотрел на коллегу. Между ними состоялся короткий профессиональный обмен словами, из которого Варвара уловила только главное: помочь Белозёрову уже нельзя.

— Вы родственница? — спросил её мужчина в тёмно-синей форме.

— Нет. Я… у меня магазин подарков. Мы договаривались встретиться. Он хотел показать документы.

Медик внимательно посмотрел на неё, потом на пакет у двери.

— Когда вы его нашли?

— Только что. Я приехала около десяти минут седьмого. Может, чуть позже. Позвонила, постучала… Он не открыл, а дверь оказалась незапертой.

— Вы что-нибудь трогали?

— Плечо. Я пыталась его разбудить. И пакет поставила на стол. Больше ничего.

Мужчина кивнул, не делая выводов. Один из медиков сообщил, что потребуется полиция. Варвара, до этого сосредоточенная на необходимости вызвать помощь, почувствовала, как внутри всё сжалось. Полиция. Кабинет. Бутылка на столике. Её собственный пакет, оставленный возле двери. И назначенная встреча, о которой знали Люся и Зинаида Павловна.

Она прислонилась к холодной стене коридора. Дом по-прежнему тихо тикал часами, словно не замечал, что его хозяин умер.

Полицейские приехали вскоре после медиков. Первым вошёл молодой сотрудник в форменной куртке, за ним — мужчина постарше, который представился и попросил Варвару подробно объяснить, как она оказалась в доме. Пока они разговаривали в прихожей, у крыльца остановилась ещё одна машина.

Варвара услышала, как кто-то на улице спрашивает, где обнаружили тело. Затем в дом вошёл высокий мужчина в тёмном пальто, с коротко подстриженными волосами и лицом, на котором усталость не мешала вниманию. Он не спешил, но двигался так, будто уже определил, что именно ему нужно увидеть прежде всего.

— Громов Максим Андреевич, следователь, — представился он Варваре после короткого разговора с сотрудниками. — Вы обнаружили Виктора Аркадьевича?

— Да.

— Назовите, пожалуйста, ваше полное имя.

— Голубева Варвара Анатольевна.

— Варвара Анатольевна, понимаю, что вы потрясены. Сейчас мне нужно установить последовательность событий. Скажите, когда вы вошли в дом и что увидели первым.

Он говорил спокойно, без сочувственных восклицаний, которые в эту минуту только мешали бы. Варвара начала рассказывать, стараясь не упустить ничего: дорогу, время на часах в машине, звонок, открытую дверь, тёмную прихожую, кабинет. Дойдя до того, как коснулась плеча Белозёрова, она сбилась и вынуждена была начать фразу заново.

Громов не перебивал. Только иногда уточнял время или просил показать, где именно она стояла.

— Вы приехали раньше назначенного срока, — сказал он, когда она упомянула визитку.

— Да. Встреча была на половину седьмого, но я решила приехать заранее. Я ещё привезла заказ.

— Какой заказ?

Варвара указала на бумажный пакет, оставшийся в кабинете.

— Подарок. Музыкальную шкатулку. Её купили через страницу нашего магазина и попросили доставить лично Виктору Аркадьевичу.

Громов посмотрел в сторону кабинета, но не подошёл к пакету.

— Кто заказал?

— Не знаю. В профиле имени не было. Оплатили заранее. Переписка сохранилась.

— И вы согласились приехать лично к человеку, с которым у вас была назначена отдельная встреча?

— Да. Мне всё равно нужно было сюда. Я подумала, что это удобно.

Произнеся последнее слово, Варвара вдруг услышала, как неубедительно оно прозвучало. Удобно. Она приехала с подарком к человеку, который несколько дней назад обвинял её в сомнительной торговле, а теперь сидел мёртвый в собственном кресле.

— О чём вы собирались разговаривать? — спросил Громов.

— О старой музыкальной шкатулке. Не той, что в пакете. Совсем другой. Её приносили к нам на комиссию четыре месяца назад, потом забрали. Белозёров считал, что с ней что-то не так. Он обещал показать документы.

— Документы у вас с собой?

— Копии наших документов — да. Его бумаги я не видела.

— Пока ничего не доставайте. Мы оформим осмотр и отдельно зафиксируем то, что вы привезли.

Он произнёс это без нажима, но Варвара поняла, что теперь даже привычное движение — открыть сумку, показать акт — должно происходить не так, как ей удобно, а так, как потребует следствие.

Из кабинета вышел один из сотрудников и негромко обратился к Громову. Варвара расслышала слова «бокал» и «бутылка», после чего следователь попросил её подождать в прихожей и отошёл поговорить с коллегой. Она осталась возле лестницы, разглядывая тёмные ступени, на которых скопилась пыль. Где-то наверху поскрипывало окно.

Телефон завибрировал в кармане. Люся спрашивала: «Ты уже вышла?» Варвара посмотрела на сообщение, но ответить сразу не смогла. Как объяснить подруге, что никакого разговора не было, что документы Белозёров так и не показал, а вместо обычной встречи она попала в дом, где теперь работали медики и полиция?

Она набрала: «Люсь, Белозёров умер. Я его нашла. Здесь полиция. Позвоню, как смогу».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Где ты сейчас? Не уходи никуда без разговора со следователем. Я еду».

Варвара хотела написать, что ехать не нужно, но передумала. Ей отчаянно хотелось увидеть знакомого человека, который не будет задавать вопросы о времени приезда и чужих вещах, а просто скажет, что всё происходящее действительно ужасно и что она не обязана справляться с этим одна.

Громов вернулся через несколько минут. Он держал в руке блокнот, хотя большую часть разговора до этого слушал, почти не заглядывая в записи.

— Варвара Анатольевна, вы говорили, что раньше у вас с Виктором Аркадьевичем возник конфликт.

— Он звонил и приходил в магазин. Разговаривал резко. Но мы договорились встретиться и посмотреть документы.

— Вы ссорились?

Варвара почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Мы спорили. Если хотите, можете спросить у Зинаиды Павловны, она слышала телефонный разговор. Когда он приходил, мы были вдвоём.

— Обязательно спросим, — ответил Громов. — А сейчас уточним время вашего отъезда из магазина и маршрут. После этого вам нужно будет дать подробные объяснения.

Она посмотрела на него. Следователь не говорил, что подозревает её, но и не пытался успокоить. Он собирал факты, и Варвара с неприятной ясностью поняла, что среди этих фактов есть она сама: женщина, приехавшая раньше назначенного времени,вошедшая в незапертый дом и обнаружившая хозяина мёртвым.

За окнами стемнело окончательно. В прихожей зажгли дополнительный свет, и старые обои проступили из полумрака со всеми трещинами и выцветшими узорами. На крыльце слышались голоса; кто-то просил не наступать на влажные следы у порога.

Варвара присела на край узкой скамьи. Рядом с ней лежала сумка с копиями документов, ради которых она приехала. В кабинете остался подарок, который никто не успел принять. А за дверью, в нескольких шагах от неё, находился человек, чья смерть только что превратила обычный ноябрьский вечер в начало истории, смысл которой Варвара пока не могла даже предположить.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.